

Бабенко Елизавета

Реферативная работа «Футуризм и садовангард»

(по курсу Н.Г. Полтавцевой «Антропология литературы Серебряного века»)

И.П. Смирнов примыкает к научной традиции рассмотрения культуры авангарда как садистской по своему психическому складу. В начале своего пояснения он отсылает нас к Э.Фромму, который в «Анатомии человеческой деструктивности» приводит пример некрофилии футуриста Маринетти как «злокачественной разрушительности», аналогичной садистской. Смирнов также опирается на А.К. Жолковского, проанализировавшего садизм у Маяковского. Следуя этим источникам, Смирнов попытался, благодаря психоисторическому и психоаналитическому подходу к литературоведению, понять садистский синдром в качестве того общего знаменателя¹, к которому сводится исторический авангард. Другими словами, мы можем увидеть принадлежность авангарда к определенному психотипу, как это было свойственно романтизму, реализму и символизму.

Смирнов делает свой вывод о садизме авангарда основываясь на непреложном замечании обычного читателя авангардной поэзии, которая далеко превосходит литературу любой из предшествующих эпох по своей склонности к оправданию насилия как всего того, что научное и повседневное сознание склонно подразумевать под «садизмом». Лирическому субъекту нередко отводилась роль агрессора по отношению к человеческим массам и природе. Футуризм, как замечает Смирнов,² довольствовался уничтожением конкретных объектов и поэтому подразумевал переход любви, как позитивного влечения к выбранному объекту, в ненависть или равнодушие. Персональная агрессивность описывалась футуризмом как ничем не мотивированная, как извечное состояние человека, а метафора «слова-оружие» была общим местом раннеавангардистской поэзии. В качестве примеров для вышеизложенных тезисов приводятся стихи Третьякова, Игнатьева Маяковского (с его чрезвычайно актуальным для сегодняшней современности «Как я сделался собакой») и Боброва.

Следовательно, миметическому искусству авангард противопоставил искусство суггестивное, которое подчиняет себе реципиентов (оно же впоследствии переросло в агитационное). Задачей футуристического эпатажа, как указывает Смирнов³, было вызвать у читателей и зрителей агрессивные, т.е. садистские реакции, поэтому авангард выработал новые, уникальные жанры художественной речи – например стили Маяковского или Хлебникова. Даже сам производимый футуристами эстетический объект подлежал уничтожению и уничижению. Деструктивностью и волей к власти была проникнута вся

¹ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психология литературы от романтизма до наших дней. - М.: НЛО, 1994. С.181

² Там же. С.183

³ Отсылая к А. Flaker, Эстетический вызов и эстетическая провокация. – Russian literature, 1988.

культура авангарда, в том числе и изобразительная (например Малевич, В. Бурлюк, Филонов, Шагал, Ларионов⁴). Малевич довел авангардистское разрушение объекта до логического максимума в «Черном квадрате». Но при всем этом авангард, как считает Смирнов, не был психически однороден, и поэтому исследователь придает понятию «садизм» несколько новый смысл, отличный от традиционного. Смирнов критикует психоанализ за то, что тот не столько использует дизъюнкции, чтобы эксплицировать садистский синдром, сколько принимает на веру психопатологическую трактовку садизма, чтобы затем найти для нее подходящее место в той или иной дизъюнкции. Внутренне противоречие психоанализа, по его мнению, состоит в том, что он хочет вылечить людей от психичности. Психоаналитик или, например, психоисторик, интерпретирующий авангардные тексты, черпает свои понятия из психопатологии, потому что он считает психику паталогичной. Но психоанализ психоанализа обнаруживает в психоаналитике лицо, которое стремится пожертвовать психичностью другого с тем, чтобы не иметь дела со своей собственной⁵.

В «Экономической проблеме мазохизма» Фрейда (1924), следовавшей за неудовлетворяющей объяснение агрессивности субъекта статьей «Влечения и судьбы влечений» (1915) мазохизм предстает как первичная психическая реальность индивида. В этом позднем изложении Фрейда мазохизм является результатом переживания индивидом собственной смерти. Чтобы сделать Танатос безвредным для своего дальнейшего бытия, субъект направляет разрушительный инстинкт на внешний мир, к которому его влечет Эрос. Так, по мнению Фрейда, которое использует Смирнов, зарождается садизм. Но если садизм есть единственный способ избежать саморазрушения, владеющего, согласно Фрейду, изначально всяким субъектом, то как вообще может сложиться не садистская жизнеспособная личность? Любому человеку, согласно критике Смирновым Фрейда, остается только одна альтернатива: или подвергать себя мазохистской автонегации и тогда убивать себя, или жить, не принимая другого⁶.

Следующим этапом после статей Фрейда стала «Анатомия человеческой деструктивности» Фромма (1972), где, в отличие от контраста с мазохизмом у Фрейда, садизм и некрофилия как «злокачественная агрессивность» противопоставляется «доброкачественной агрессивности» защиты. Фрейд и Фромм нашли для садизма места в несхожих дизъюнкциях, но при этом одинаково не подвергли сомнению его, известную из психопатологии, интерпретацию. В отличие от «доброкачественной агрессивности» садизм представляет собой, по Фромму (который не разделяет строго садизм и мазохизм), не навязанную извне, а внутреннюю потребность субъекта. Она состоит в жажде неограниченного контроля над объектом. Садист компенсирует возникающие у него, в семье и в социуме чувство собственного бессилия за счет стремления к всевластию⁷.

Э.Шорш и Н.Бекер, представляя постфроммовский психоанализ, вводят понятие деструктивного симбиоза. Садистом, в соответствии с таким симбиозом, становится тот,

---

⁴ Например согласно с К. Малевичем и его «Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика». – Витебск, 1922 – по И.П. Смирнову

⁵ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психоистория литературы от романтизма до наших дней. - М.: НЛО, 1994. С.189

⁶ Там же. С. 190

⁷ Э. Фромм. Анатомия человеческой деструктивности. <http://www.avp.inrussia.org/lib/a4d1.htm>

кто, не смог сделаться нарциссом. Но, опять же, это дизъюнктивное соотнесение садизма с не-садизмом (нарциссизмом), и поэтому непонятно, почему разрешение противоречия между симбиозом и нарциссизмом, которое и составляет деструктивный симбиоз, должно в обязательном порядке повлечь за собой садизм над матерью, а не подавление ребенком его нарциссизма ради торжества идиллического союза с матерью? Смирнов также выказывает упрек в адрес Фромма: наказывая ребенка, родители не просто отнимают у него его идентичность, но и предлагают взамен другую. Таким образом, внутренняя пустота личности, компенсируемая в садистском и мазохистском симбиозе, не вытекает из авторитарного поведения родителей⁸. Поразительно, по мнению исследователя то, какую научную популярность получило методологически уязвимое положение о том, что нет садизма, не обусловленного садизмом – имеется в виду родителей над детьми (и т.д. по восходящей линии насилия). Д.Шапиро и А.Грюн разбирают садистский синдром как одну из альтернатив по отношению к личностной автономии, но и эта дихотомия, как утверждает Смирнов, не менее ошибочна, чем представление о тавтологическом генезисе садизма.

Чтобы доказать свою гипотезу, Смирнов дает целый ряд истолковывающих ее аргументов⁹. Итак, будучи оторванным от груди, ребенок вырабатывает психическую способность воплотить идею страдающего объекта. Объект, т.е. материнская грудь, отторгнувшая со временем ребенка, начинает восприниматься им как неполноценный и поэтому страдающий объект. Таким образом, содержанием идеи объекта становится его страдание. Также, садистский характер не возник бы, если бы его носитель не был в состоянии сопереживать боли другого, на что, по словам Смирнова, уже обратил внимание Х.Эллис, говоря, что садист наслаждается болью своей жертвы потому, что он идентифицирует себя с этой болью¹⁰. Возвращение субъектом себе объекта, ставшего непригодным, означает причинение ему страдания и боли, т.е. активное участие субъекта в деформации внешнего мира.

Различие двух реакций ребенка при отторжении его от материнской груди позволяет, переходя ко взрослым, говорить о том, что есть садизм и «садизм», т.е. активный и пассивный садизм. Смирнов полагает, что садистский характер вариативен и образует психопарадигму: если одному, чтобы любить, нужно разрушать, то второй (пассивно-садистская личность) испытывает не насилие, а влечение к тому, что было подвергнуто насилию, деформации каким-то третьим лицом. Ставя себя на место страдающего объекта, отрекаясь от собственной агрессивности, мы вынуждены искать источник страдания в другом субъекте, переносить нашу потенциальную разрушающую любовь на некое существо во внешней для нас действительности. «Собственное иное» садизма в

---

⁸ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психоистория литературы от романтизма до наших дней. - М., НЛО, 1994. С.192

⁹ Последующий анализ симптома садизма связан с психоаналитической концепцией, выдвинутой М. Кляйн, согласно которой оральный и анальный садизм ребенка – это отправная точка, из которой Кляйн выводила объяснения, касающиеся самых разных сторон духовной жизни. Смирнов считает, что, если учесть время, когда формировались эти идеи (20-е годы как раз являются временем авангарда), то можно утверждать абсолютизацию авангарда в этой психоаналитической концепции.

¹⁰ H.Ellis, Studies in the Pathology of Sex. 1903. Цит. по S. and M. Studies in Sado-masochism, N.Y. 1983, 34 – по И.П. Смирнову

таким случае есть мировоззрение, хотя и не инициирующее насилие, однако только его и застающее кругом¹¹.

Теперь становится ясно, почему авангард в равной мере способен и призывать к разрушению, и защищать поруганные объекты, как это отображено, например, в «Зверинце» Хлебникова. Таким образом, мы можем констатировать, что садистское детство – универсалия существования человека. При этом в любом случае, как замечает Смирнов, первосадизм орален: даже если ребенок и не был вскормлен грудью, он будет стараться восстановить ослабевшую связь со взрослым так, чтобы поглотить, интроэцировать объект и тем самым гарантировать себе в дальнейшем неотчуждаемость от объекта. Садистская энергия, как мы видим, накапливается и разряжается детьми по мере того, как сокращается объем заботы взрослых о них. Психоанализ же направляет свое внимание прежде всего на начальные стадии детской психики, выводя отсюда знание о последующих формах психической организации как раз потому, что он не мог бы иначе примирить свое позднее историческое происхождение и фиксировать носителей истерического и садистского комплексов на раннем детстве.

Итак, маленький садист не принимает автономию от взрослого как вынужденную и формирует ее на свой лад. Из недостаточно самостоятельного он становится сверхсамостоятельным существом, находящим зависящий от него, им самим продуцируемый объект. Сообразно этому садистская культура склонна гипертрофировать свою автономию во временном или в пространственном планах¹². Так, акмеисты называют себя «адамистами» - первоизгнанными из симбиотического бытия, Хлебников именуется автореферентную речь «образом мирового грядущего языка», футуристы пишут автобиографии. Поэтому не приходится говорить, что садист только симбиотичен, что он всецело противостоит самоценной личности. Зато можно утверждать, как это делает Смирнов, что для садистского характера симбиоз принципиально поддается замещению замкнутым в себе существованием. Садист может поэтому и жаждать власти над (симбиотическим) объектом, и аннулировать его (портить, бросать, убивать). Тем самым некрофилия авангарда для нас, вразрез с Фроммом, это одна из возможностей садизма, некросадизм, а не особый, хотя и близкий к садистскому, синдром. Идея смерти другого, близкого пробуждается у всякого – не только тотально аутичного – ребенка, когда он начинает создавать свой собственный (анальный) мир, когда он отходит от любимого объекта – матери или эрзац-матери. Некрофилия, следовательно, вовсе не обусловлена биологически, как это говорил Фрейд, строя учение об изначальности мазохизма в «Экономической проблеме...».

Анабиозис, в таком случае, является центральной темой авангардистского искусства. В этом садистская личность сходна с эдипальной. Но в то же время садизм и эдипальность переживают новое рождение по-разному. Тогда как для эдипального характера оно является перерождением субъекта, творящего самого себя, садистский психотип, замещающий прежний объект (мать) таким, который он сам производит, показывает второе бытие человека как обнаруживающее в субъекте объектное – например «Клоп»

---

¹¹ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психистория литературы от романтизма до наших дней. - М.: НЛО, 1994. С.194

¹² Там же. С. 197.

Маяковского, «Собачье сердце» Булгакова, «Второе рождение» Пастернака. Садист тут не пациент смерти, он ее агент. Чтобы умереть, садист должен сотворить смерть, завершить жизнь искусственным путем, что и определило конец Игнатьева, Князева, Есенина, Добычина, Маяковского, Дементьева, Цветаевой и сделало тему самоубийства поэта одной из самых распространенных.

Но, хотя все дети переживают травмирующее их вступление в символический порядок Отца, далеко не все из них оказываются садистами. Поэтому нужно отметить, что формирование садистского характера обуславливается вторичной травмой, которая фиксирует индивида на выработанных в детстве орально-анальных садистских установках. И, поскольку каждый индивид испытывает в детстве садистский опыт, постольку садистские мотивы повсеместны в мировой культуре¹³. Но до прихода авангардистской культуры они никогда не составляли единственного содержания какой-либо эпохи. Исключение составляет доавангардистский садизм романов де Сада о половых извращениях - пока садизм не сделался доминирующим принципом культуры, он должен был довольствоваться изображением лишь садистской сексуальности¹⁴.

Вторичная садистская травма реактуализует весь тот многосоставный комплекс проблем, с которыми ребенок имеет дело после того, как он перестает быть младенцем. Но вместе с тем она придает этому комплексу ценностно-иерархическую организацию, аксиологизирует смысл первичной травмы. Ребенок является одновременно и активным и пассивным садистом, позднее он и удерживает стулоотделение и интересуется его результатами. Травма, которую порождает садистский характер, ставит главный ценностный акцент на одних слагаемых детского садизма и превращает другие в подчиненные, периферийные. Будучи миром-в-себе, литература, по выражению Смирнова, запечатлевает внутреннюю реальность автора и выдает этот индивидуальный психический опыт за внешнюю, социальную и интерсубъективную, действительность. Сюжет в таком случае выстраивает эквивалентность между семейным и социальным¹⁵. Примером тут служит «Облако в штанах» Маяковского. В отличие от нарративики, прослеживающей происхождение того или иного типа симптоматического поведения, лирические тексты могут быть поняты в плане психотеории жанров как вербализация результатов травмы, которая владеет их авторами. Так, в поэме Маяковский реконструирует генезис своего садизма.

Садистская травма Хлебникова дает поэту соответствующую ей модель мира. Для психоаналитика было бы естественно видеть в мотиве поедания мира у Хлебникова сверхкомпенсацию, к которой стремится индивид, не способный освободиться от воспоминаний о том, как он лишился бывшего для него единственным и всеозначающим источником питания. Сюда же относится топика пира у Пастернака, Северянина, трагедии Маяковского, Цветаевой. Конец симбиоза означает для отчужденного от груди ребенка субъективацию объекта.

---

¹³ Ср. с G. Falk and T.S. Weinberg, *Sadomasochism and Popular Western Culture*. – In: S. and M. Studies in *Sadomasochism*, N.Y. 1983, 137-144. – по И.П.Смирнову

¹⁴ Я разделяю вопрос, поставленный здесь Смирновым – почему определенные извращения, как садизм, мазохизм, становятся основами текстуальности в определенные эпохи – Просвещения, реализма?

¹⁵ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психоистория литературы от романтизма до наших дней. - М.: НЛО, 1994. С.201

Отсюда, как полагает Смирнов, возможны два вывода: будучи субъективированным, объект либо делается самостоятельным, существующим обособленно от вменившего ему это качество субъекта, другим субъектом, либо, напротив, навсегда зависимым от того, кто сотворил его субъектность. Рассуждая подобным образом, мы подходим к психологическому пониманию той причины, по которой ранняя авангардистская поэзия распалась на футуристическую и акмеистскую.

Футуризм описывает бунт вещей, восстание объектов, не желающих подчиняться субъектам. В акмеизме эта тема отсутствует. Акмеизм изображает вещный мир как мир культуры, созданной человеком, объект тут получает значение только в связи с субъектом. Акмеизм садистичен в том смысле, что он не находит вокруг себя ничего, что не было бы культурой, что не зависело бы от отправляющего свою волю человека. Как замечает Смирнов, оральная агрессивность побуждала авангард к тому, чтобы видеть в речевой деятельности средство, с помощью которого мог бы быть побежден и упразднен мир референтов, «слово как таковое». Таким образом, фактический универсум потерял в поэзии Хлебникова, Олимпова, Шершеневича и других свое отличие от языкового универсума. Авангардистские метонимии и синекдохи были не чем иным, как воспоминанием их создателей о том, что все (симбиоз) теряется и заново приобретает в качестве части (материнской груди).

Также стоит уделить внимание анально-садистской проблематике авангардистской литературы. Здесь жанрово подчеркнутая у Пушкина, Гоголя или Достоевского¹⁶ анальная фиксация перестает быть жанрово локализованной, теряет комическую коннотацию. Акмеизм также копрологичен вне комизма – например «День в Петербурге» Зенкевича. Инвариантные идеи авангарда – это коллекционирование потерявших смысл предметов, как это описывает Малевич в «О поэзии»¹⁷, собирание свидетельств об испортившемся мире, как у Вагинова, производство ценностей из отбросов, как у Ахматовой, рождение эстетического из грязи, как у Мандельштама.

Анальная фиксация влечет за собой у индивида устойчивое представление об овнешнении внутреннего, о выходе наружу скрытого. Этот мотив – общее место в авангардистской поэзии, например у Д. Бурлюка или Маяковского. В орально нацеленной авангардистской поэзии подавленная здесь анальность была основой непреднамеренной двусмысленности, комизма вне комизма. Другой чертой, которая отличает в обсуждаемом плане авангард от предшествовавших ему психосистем, была метаанальность. Анальность, как это показывает Крученых, являлась способом установления эквивалентности – компенсацией внешней недостаточности. Третья особенность, которую выделяет Смирнов, копрологии и скатологии в авангарде заключалась в том, что он старался восстановить – в символической форме – путь, ведущий к анальной фиксации (поэма Крученых «Разбойник Ванька-Каин и Сонька-Маникюрщица»).

Однако, при всей своей разрушительности авангард был также садистски-конструктивным. Это выразилось в абсолютизации субъектного начала. Авангард нередко оценивал в качестве единственно позитивной реальность субъекта, оторванного

---

¹⁶ Там же. См. соответствующие главы.

¹⁷ Ср. мотив иронической трансформации отбросов в современном концептуализме: И. Кабаков и Б. Гройс. Диалоги. (1990-1994). – М.: Ad Marginem, 1999.

от окружения (эго-футуризм Северянина, Маяковского). Сюда же следует отнести авангардистский инфантилизм и мотив техники, также коренящийся в садистском детстве¹⁸. Садист, таким образом, поддается пониманию согласно с Хайдеггеровским «Вопросом о технике», т.к. ребенок, вытолкнутый из симбиоза и приучиваемый к новой пище, желает в ответ демонтировать мир, дабы постичь происхождение и преобразование энергии, что и исчерпывает феноменологическое определение техники.

То, что авангард обоготворял технику, хорошо известно из манифестаций футуризма. Смирнов в данном контексте обращается к страху авангарда (при всем своем стремлении технизировать бытие) перед своей же социальной инженерией. В связи с этим мы предполагаем, что технический прогресс в опасливо-насмешливом восприятии авангарда может отнять у садизма его место в мире, ведь инженерное преобразование природной реальности означает самоотрицание, деиндефикацию, утрату личности садистом. Такую позицию садиста представляют «Антисескус» Платонова, конструкция Татлина «Летатлин», «Гиперболоид инженера Гарина» А.Толстого, «Заблудившийся трамвай» Гумилева, «Мы» Замятина. Смысл этих авангардистских антиутопий в том, что идеальное техногенное будущее вытесняет идеализирующего субъекта (т.е. самого садиста). И когда авангард пытается заглянуть туда, где кончается мир техники и вместе с ним – садистский мир фантазии, он обнаруживает там внутренне опустошенного субъекта, субъекта без субъектности, иными словами мазохиста - как, например, в «Чевенгуре» Платонова¹⁹.

Также, чтобы разобраться в идеологической установке авангарда, нужно, как советует Смирнов, принять в расчет, что садист ставит себе задачей лишить окружающий мир трансцендентности. Стараясь ли поработить ставший непослушным объект (активный садизм Маяковского, Северянина), подставляя себя на его место (пассивный садизм Хлебникова, Пастернака), или проявляя непомерное внимание к стулоотделению, ребенок, вошедший в садистский возраст, отказывается принять самостоятельность чужого. Садизм - психическая база для идеи целостности, когда ребенок учиться включению и исключению.

В садистской перспективе чужое – это отторгнутое свое (материнская грудь, телесные отходы), поэтому авангардистская литература и рассказывает об этой чуждости предмета для рассказчика (используя прием остранения), имея в виду, что для нее не существует ничего на самом деле чужого. Здесь пролегает отличие от остальных, схожих с садистским, психотипов, для которых существует чужое чужое, долженствующее быть своим чужим. Эдипальный ребенок, например, хочет – в своем желании приобщиться к чужому – обрести родительство, а не вернуть его себе. Садист же вообще не признает чужого как такового. Трансцендентальное он замещает имманентным (не-я становится я, как у Маяковского или Северянина). В таком случае, доминантой авангардистского восприятия мира была в-себе завершенность любого явления. Авангард равносильен остальным эпохам культуры, поскольку он, как и они, образовался в силу опровержения, бывшего до того релевантным, системообразующего отношения (символистскую связь

---

¹⁸ Ср. машинерию в романах Сада у Р.Барта, Сада, Фурье, Лойола. – М.: Праксис, 2007. – по И.П.Смирнову

¹⁹ И.П. Смирнов. Психодиахронология. Психоистория литературы от романтизма до наших дней. - М.: НЛО, 1994. С.214

всего со всем) и водворяет на это место нечто прямо противоположное (полное отсутствие связи всего со всем). Системогенерирующие принципы в культурах до наступления авангарда равно предполагают наличие в мире некоего внешнего отношения, как-то зеркальная симметрия в романтизме, транзитивность в реализме, символистская панкогерентность, что как раз и перестает быть актуальным для авангарда.

Теперь, вслед за Смирновым, ясно, почему авангардизм рассматривал себя как другое культуры, т.е. как период, несравнимый с ее прошлым или же как вершину всего бывшего. Предпочтение, которое отдавал авангард внутренним отношениям в противоположность внешним, манифестируется у Хлебникова в его теории «самовитого слова» - знака, составляющего реальность вне отсылок к внезнаковой реальности, а Мандельштам провозглашает независимость культуры от внеположных ей факторов. Отнесем сюда и Пастернака, который подразумевал, что у мира, в котором все вещи находятся в прямом контакте друг с другом, нет инобытийности, внешней среды. Отсюда и метонимичность авангардизма и, в частности, садистская психологика авангарда.